

DOI: 10.31857/S086919080010805-2

СПОРЫ ОБ ЭЛЛИНИЗМЕ

© 2020

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Резюме: Статья посвящена вопросам хронологии, географии и сущности эллинизма. Автор, выступая в качестве сторонника концепции К.К. Зельина, подвергает критике попытки объяснить данное явление на основе распространения греческой культуры или эволюции социально-политической психологии. В качестве специфической особенности этого периода предложено рассматривать сочетание претерпевших серьезную трансформацию классического греческого полиса и древневосточной монархии, результатом взаимодействия которых стали значительные изменения в экономической (сосуществование классического рабства с эксплуатацией труда зависимых арендаторов, развитие товарно-денежных отношений, организация государством производственных и торговых монополий), социально-политической (возникновение эллинистической монархии и эллинистического полиса) и религиозно-культурных областях (династийный культ, греко-восточный культурный синтез).

Поэтому сфера эллинизма охватывала лишь те завоеванные Александром, его полководцами и эллинистическими, прежде всего греко-бактрийскими, царями регионы, где наблюдалось подобное взаимодействие, т.е. Ближний и Средний Восток, юг Средней Азии, а также, возможно, Северо-Западную Индию. Соответственно, в нее нет оснований включать Южную Италию, Сицилию, Эпир, Македонию, полисы и союзы Балканской Греции и Эгиды, в которых наблюдается явный континуитет с классической эпохой. Начало эпохе эллинизма положил победоносный поход Александра Македонского, результаты которого, разумеется, не стали следствием случайного стечения обстоятельств, а были подготовлены всем ходом исторического развития Эллады и державы Ахеменидов в V–IV вв. до н.э. Конец же ее совпадает отнюдь не с закатом Птолемеев, а с прекращением существования автономных гражданских общин уже в рамках Римской и Парфянской империй.

Ключевые слова: эллинизм, полис, эллинистическая монархия, греко-восточный синтез, Александр Македонский.

Для цитирования: Балахванцев А.С. Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 21–31. DOI: 10.31857/S086919080010805-2

DISPUTES ABOUT HELLENISM

© 2020

Archil S. BALAKHVANTSEV^а^а – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the issues of chronology, geography and the essence of Hellenism. The author of the article, being a supporter of Konstantin K. Zelyin's concept, criticizes attempts to explain this phenomenon on the basis of the spread of Greek culture or the evolution of socio-political psychology. As a specific feature of this period, it is proposed to consider the combination of the Hellenistic polis and the ancient Eastern monarchy that underwent a serious transformation. Rather significant changes in the economic (a combination of classic slavery with the exploitation of the labor of dependent tenants, the development of commodity-money relations), socio-political (the emergence of the Hellenistic monarchy and the Hellenistic polis) and religious and cultural areas (dynastic cult, Greek-Eastern cultural synthesis) can be considered as the result of this interaction.

Therefore, the sphere of Hellenism covered only those regions, where such interaction was observed, i.e. the Near and the Middle East, and possibly also Northwest India. Accordingly, there is no reason to

include there Southern Italy, Sicily, Epirus, Macedonia, the poleis and unions of Balkan Greece and the Aegeis. The beginning of the Hellenistic era marked the victorious campaign of Alexander the Great, the results of which, of course, were not the effect of a coincidence, but were prepared by the entire course of the historical development of Hellas and the Achaemenid state in the 5th – 4th centuries BC, and its end does not coincide with the decline of the Ptolemies, but with the termination of the existence of autonomous civil communities already within the framework of the Roman and Parthian empires.

Keywords: Hellenism, Polis, Hellenistic Monarchy, Greco-Eastern synthesis, Alexander the Great.

For citation: Balakhvantsev A.S. Disputes about Hellenism. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 21–31. DOI: 10.31857/S086919080010805-2

27 июня 1953 г., подводя итоги дискуссии по эллинизму, С.Л. Утченко заметил, что, несмотря на стремление большинства ее участников – вслед за К.К. Зельным – видеть в эллинизме не этап всемирной истории, а конкретно-историческое явление, вопросы хронологии, географии и сущности эллинизма все еще остаются спорными [Кац, 1955, с. 120]. За прошедшие десятилетия ситуация практически не изменилась, поэтому именно эти проблемы и поиск путей к их решению будут находиться в центре внимания моей статьи.

ЭЛЛИНИЗМ: СЛОВО И СУЩНОСТЬ

Как известно, И. Дройзен, отец термина «эллинизм», видел в нем прежде всего распространение греческого государства и образованности среди отживших культурных народов Востока [Droysen, 1953, S. 1]. Аналогично рассуждал и В. Тарн, понимавший эллинизм как «условную этикетку» для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины [Тарн, 1949, с. 20]. В советской исторической науке стремление ограничить применение термина «эллинизм» лишь областью культуры заметно в работах Г.Х. Саркисяна [Саркисян, 1952, с. 83, прим. 2] и М.М. Дьяконова [Дьяконов, 1989, с. 298].

Впрочем, с течением времени понимание эллинизма стало меняться. Так, советские специалисты по истории древнего мира в 1930–1940-х гг. были склонны трактовать данное понятие¹ как этап в истории античного рабовладельческого общества и даже всемирную историю того времени². Наиболее отчетливо эту позицию выразил А.Б. Ранович, характеризовавший эллинизм установлением более обширного экономического единства и развитием процесса смешения народов, сглаживанием различий; ростом товарности, денежных отношений; расширением сферы применения рабского труда, появлением на Востоке латифундий, распространением форм античного рабства; возникновением рабовладельческой системы, направленной на производство прибавочной стоимости [Ранович, 1950, с. 23, 26, 27, 28].

Однако уже в начале 1950-х гг. концепция А.Б. Рановича была подвергнута убедительной критике К.К. Зельным. Отказавшись, хотя и не сразу [Зельин, 1951, с. 145], от точки зрения на эллинизм как на этап, он предпочел толковать его в качестве конкретно-исторического явления, представляющего собой *сочетание и взаимодействие* [курсив мой. – А.Б.] эллинских и местных (главным образом, восточных) начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре [Зельин, 1953, с. 146–147; 1955, с. 104].

¹ Напомню, что «понятие представляет собой форму мышления, которая целостно и обобщенно раскрывает существенные отличительные признаки исследуемых объектов и явлений *реального* [курсив мой. – А.Б.] мира... Термины – это словесное, естественно-языковое выражение понятий» [Ковальченко, 1987, с. 194].

² Историю вопроса см.: Лордкипанидзе, 1985, с. 10; Ладынин, 2018, с. 185.

Принимая во внимание все пережитые эллинизмом «метаморфозы», будет вполне закономерным поставить вопрос: насколько оправдано применение созданного И. Дройзенем термина в наши дни? Ведь о его формальной неправильности и устарелости говорят уже почти сто лет [Тарн, 1949, с. 326, прим. 2; Кац, 1955, с. 120; Лордкипанидзе, 1985, с. 12–13]. Впрочем, тогда же стало ясно, что изобретать новый слишком поздно. Недавно было высказано мнение, что, отказавшись от восходящего к И. Дройзену понимания эллинизма как исторического этапа, но сохранив сам термин, который был «авторским», К.К. Зельин и его последователи допустили серьезную методологическую ошибку [Ладьянин, 2018, с. 194].

Что можно заметить по данному поводу? В истории науки известны многочисленные случаи, когда термины и понятия, появившиеся на ранней, более низкой стадии развития знания, позднее получают новое наполнение. Причем в нашем распоряжении имеются примеры как удачной, так и неудачной трансформации терминов. К первым можно отнести термин «атом». Его создатель Демокрит понимал атом как мельчайшую неделимую частицу, первокирпичик материи, что сильно отличается от картины, нарисованной Э. Резерфордом и другими физиками XX столетия. Однако использованию термина это никак не препятствует. Прямо противоположный характер имеет история термина «древность». Данное понятие, сформулированное Х. Келлером (Целлариусом) в конце XVII в., было выделено по грубо приблизительной величине удаления во времени событий и явлений, предшествующих разделу Римской империи в IV в. н.э., от самого автора. В XIX в. А. Сен-Симон и О. Конт стали трактовать древность как первую – греко-римскую (политеистическую, рабовладельческую) – стадию развития общества, а в советской исторической социологии древность приравнивали к эпохе господства рабовладельческой формации. Между тем отождествление традиционных эпох и общественно-экономических формаций является ошибочным, поскольку их выделение основано на совершенно различных принципах: субъективно-произвольном в первом случае и научно-объективном во втором [Илюшечкин, 1986, с. 35–39].

Таким образом, сам по себе «авторский» характер подвергнувшегося изменению термина еще ни о чем не говорит. Основное значение имеет, по-видимому, изначальная «внутренняя емкость» термина, его способность соответствовать изменяющемуся с течением времени понятию. Что же касается точности и адекватности термина «эллинизм», то мне представляется целесообразным вернуться к этому вопросу после уточнения сущности самого понятия и его географических рамок.

Для определения сущности эллинизма необходимо установить те специфические особенности рассматриваемого явления, которые отличают его от других [Зельин, 1951, с. 145]. Можно ли распространение греческой культуры³ и греческого государства понимать в качестве специфической особенности эллинизма? Я полагаю, что нет. Уже в эпоху архаики (VIII–VI вв. до н.э.) греческий мир и его культура распространились от Испании на западе до Колхиды на востоке, от низовьев Днепра и Дона на севере до ливийских пустынь на юге. В ходе великой греческой колонизации было основано 139 колоний. По своему масштабу расширение эллинского мира в период архаики закономерно сопоставляется с тем, что имело место в эпоху эллинизма [Graham, 2006(1), p. 83, 160–162]. Под влиянием греков у фракийцев, синдов, скифов, сикулов, италийских племен Калабрии и Апулии распространяется использование греческого алфавита и письменности [Graham, 2006(1), p. 118, 130; 2006(2), p. 178; Asheri, 2006, p. 748; Salmon, 2006, p. 688–689; Балахванцев, Завойкина, 2019, с. 146–147, 149–151]. Эллы оказали огромное воздействие и на матери-

³ Такая постановка вопроса вовсе не кажется мне запоздалой или риторической. Характерно, что К.К. Зельин не смог по существу возразить Г.Х. Саркисяну, когда тот, как уже упоминалось, призывал ограничить применение термина «эллинизм» областью культурных явлений [Зельин, 1955, с. 103].

альную культуру варварских народов [Graham, 2006(1), p. 156; Salmon, 2006, p. 689], в том числе далеко за пределами своего политического господства (Пасаргады, Персеполь, Сузы) [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 244, 248, 256, 282–283].

Недавно для выделения эллинизма было предложено использовать психологический критерий. И.Е. Суриков провел резкую грань между всеми эллинистическими государствами и предшествующим «полисным... этапом *древнегреческой истории* [курсив мой. – А.Б.] в области социально-политической психологии, изменения в которой затем отразились на формах государственного устройства [Суриков, 2014, с. 100–101; 2015, с. 23]⁴. По И.Е. Сурикову, в эту эпоху (IV–III вв. до н.э.) гражданин превратился в подданного⁵, что привело к деградации и даже исчезновению полиса: на смену демократии приходит олигархия (Афины), значение гражданства девальвируется, политический суверенитет уходит в прошлое [Суриков, 2014, с. 102–104; 2015, с. 356]. Взгляды И.Е. Сурикова вполне логично вытекают из его общего подхода к истории и историческому факту и, в конечном счете, объясняются исповедуемым автором историческим идеализмом⁶. Но насколько они соответствуют реальному положению вещей?

Первое, что сразу же обращает на себя внимание: противопоставление эллинизма полисному этапу практически превращает первый в этап бесполисный. Но так ли это? Посмотрим, какие доказательства использует автор.

И.Е. Суриков, вслед за Э.Д. Фроловым [Фролов, 1988, с. 68], воспринимает полис не иначе как суверенное государство [Суриков, 2014, с. 102–103]. Между тем уже со второй половины VI в. до н.э. широкое распространение приобрела практика установления господства одного достаточно сильного полиса над своими соседями. Так, Сибарис в Южной Италии подчинил себе 25 городов [Graham, 2006(2), p. 182–183]. Аналогичную гегемонистскую политику проводили Гела при Гиппократе и Гелоне [Asheri, 2006, p. 759–762, 764–765], Регий при Анаксиласе [Asheri, 2006, p. 763, 766], Акрагант при Фероне [Asheri, 2006, p. 767, 770–771], Сиракузы при Гелоне и Гиероне [Asheri, 2006, p. 768–769, 775]. Позднее, с конца V в. до н.э., схожим образом действовали пантикапейские Спартокиды, подчиняя своей власти полисы Боспора Киммерийского. Наконец, приведу хрестоматийный пример: к середине V в. до н.э. Афины, превратив Делосский союз в Афинскую архэ, установили практически неограниченное господство над остальными полисами. Последние потеряли право выхода из союза, были вынуждены платить гегемону форо́с, судиться в афинских судах, принимать на своей территории афинские клерухии, терпеть афинский контроль над монетной чеканкой и бесконтрольное расходование Афинами союзных средств. Спрашивается: неужели подчинение полиса внешней силе превращало его в нечто качественно иное? Если да, то хотелось бы знать, во что?

Далее. Как показывает история архаики и классики, олигархия, да и тирания [Габелко, 2018, с. 185], вполне сочетаются с полисным устройством⁷. Хрестоматийный пример – Спарта. Неужели она не полис? К тому же следует учесть, что нет никаких основа-

⁴ Эта концепция уже была подвергнута умеренной критике [Габелко, 2018, с. 181–190], однако О.Л. Габелко далеко не исчерпал предмет своего исследования.

⁵ Непонятно, как согласовать это утверждение с тем, что на протяжении IV–II вв. до н.э. резко сокращается число бесправных *пенестов* в Фессалии и *илотов* в Спарте, причем значительная часть последних получает гражданские права [Шишова, 1991, с. 153–155, 172–174]?

⁶ Сторонники такого подхода объявляют все исторические реалии уникальными и единичными, а историю, как и другие гуманитарные науки, относят к числу идеографических (описательных) [Суриков, 2014, с. 78 (с предшествующей литературой)]. Убедительную критику этого направления дал еще С.Л. Утченко [Утченко, 1998, с. 4–11].

⁷ И.Е. Суриков, разумеется, об этом знает [Суриков, 2014, с. 102], но предпочитает игнорировать. Здесь для него важнее принцип «*souveraineté du peuple*». Однако уже на следующих страницах [Суриков, 2014, с. 103–104], когда речь заходит об эллинистических Афинах, главным становится не принцип или форма государственного устройства, а существующее (в понимании автора) положение дел. Вряд ли такой избирательный подход к источникам способен привести к созданию объективной картины эпохи.

ний говорить о повсеместном уничтожении демократии в греческих полисах IV–II вв. до н.э. Так, политический строй, существовавший в городах, входивших в Ахейский союз, вполне справедливо характеризуется как умеренная демократия [Сизов, 2018, с. 207]. Аналогичным образом обстояло дело и в Афинах [Хабихт, 1999, с. 10–13, 72–77].

Суриков противопоставляет «сервилизм и раболепие потомков Фемистокла и Аристиды, довольствовавшихся ролью льстивых подхалимов очередного Деметрия», поведению их предков, которые отказались дать землю и воду персам [Суриков, 2014, с. 105]. При этом автор странным образом забывает о проявлениях коллаборационизма Фессалии, Беотии, Эгины, Аргоса и других областей и полисов Эллады в эпоху греко-персидских войн, политическую верхушку которых не покорило выразить покорность Ахеменидам.

Замечу, что в эллинистическое, да и в более позднее время, кроме сервилизма и льстивых декретов в честь эллинистических царей и их вельмож, было и другое, а именно – борьба полисов и их граждан против иноземного врага, доходящая иной раз до самопожертвования: сопротивление Родоса Деметрию Полиоркету (305–304 гг. до н.э.), Селевкии на Тигре – Аршакидам (36–43 гг. н.э.), фокидской Элатеи – костобокам (170 г. н.э.)⁸. Впрочем, изучение практики взаимоотношений Ахейского союза и монархии Антигонидов показывает, что даже наличие регулярно проводившегося празднества в честь Антигона Досона и личные связи с царским домом не позволяют утверждать о превращении ахейской политической элиты в раболепствующих «подданных» [Сизов, 2018, с. 186].

Все это вместе взятое убедительно доказывает, что всерьез говорить об исчезновении полиса при эллинизме не приходится.

Второе уязвимое место в концепции И.Е. Сурикова – это восприятие им эллинизма в качестве этапа только древнегреческой истории [Суриков, 2014, с. 101]⁹. Во-первых, непонятно, как эта точка зрения сочетается с прокламируемым автором согласием с позицией К.К. Зельина [Суриков, 2014, с. 99; 2015, с. 20]. Во-вторых, как быть с теми регионами Азии и Египта, где постулируемого И.Е. Суриковым перехода от гражданина к подданному – из-за отсутствия первого элемента – просто не наблюдалось? Более того, там шел прямо противоположный процесс: часть подданных становились еще и гражданами. Неужели эти регионы должны быть выведены за рамки понятия «эллинизм»? Но что тогда от него останется?

Таким образом, мы можем в очередной раз наблюдать «величайшую трагедию науки: убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом». Впрочем, в данном случае это представляется вполне естественным: попытаться проникнуть в суть эллинизма, руководствуясь рожденной еще в античности теорией «порчи нравов», пусть и переименованной в «социальную психологию» – дело заведомо бесперспективное.

Теперь настало время оценить верность подхода самого К.К. Зельина. Насколько адекватно он позволяет уяснить специфические особенности эллинизма в области социально-политических отношений, экономики¹⁰, религии и культуры, возникшие в результате синтеза¹¹ восточных и греческих элементов?

⁸ См. также: Габелко, 2018, с. 186–189.

⁹ Аналогичную во многом позицию занимает и И.А. Ладынин, согласно которому термин «эллинизм» правомерно относить к истории именно эллинского мира, а к восточному миру – лишь поскольку его затронуло распространение эллинских институтов и культуры [Ладынин, 2018, с. 196].

¹⁰ Иногда можно встретиться с мнением, что вопросы о вкладе эллинизма в области экономики и социальных отношений оправданы лишь в том случае, если трактовать данное понятие в качестве этапа в социально-экономическом развитии античного (греческого) общества [Ладынин, 2018, с. 186]. Однако принятие подобного подхода равнозначно резкому сужению поля зрения исследователя и грозит тем, что существенные черты эллинизма просто не будут им замечены.

¹¹ Я не вижу никаких оснований отказываться от этого термина, понимаемого как синоним «сочетания и взаимодействия», вокруг употребления которого в последнее время развернулась настоящая дискуссия [Суриков, 2014, с. 100, прим. 67; 2015, с. 22, прим. 3; Габелко, 2018, с. 186].

В области социально-политических отношений прежде всего обращает на себя внимание появление на Востоке эллинистической монархии, которая хотя и унаследовала определенные институты у своих предшественников (в первую очередь Ахеменидов), значительно отличалась от них в плане большей централизации (лишение сатрапов права содержать наемные войска и чеканить монету, введение царского и династийного культа), опорой не на землевладельческую знать, а на самоуправляющиеся гражданские общины, формированием классов не по этническому принципу [Зельин, 1960, с. 364; Балахванцев, 2017, с. 54].

Важнейшим структурным элементом эллинистической монархии, оказавшим, вопреки мнению О.Д. Лордкипанидзе [Лордкипанидзе, 1985, с. 20–21], огромное воздействие на формирование ее государственной системы, стал претерпевший серьезную трансформацию греческий полис. Если исключить старые прибрежные города Малой Азии, находившиеся с эллинистическими монархами в союзнических отношениях (πόλις συμμαχίδες), большинство новых эллинистических полисов¹² возникло на царской земле (ὑπὸ βασιλικῆ) и, естественно, зависело от царской власти [Walbank, 2006, p. 72; Голубцова, 1992, с. 79]. Однако цари в свою очередь также зависели от городов, которые платили им подати, поставляли воинские контингенты и управленческие кадры [Голубцова, 1992, с. 61, 83]. Эта взаимозависимость объясняет те отличия, которые наблюдаются в положении эллинистических полисов и греческих городов, некогда подчиненных власти Ахеменидов.

Другими характерными признаками эллинистического полиса стали широкое предоставление негражданам права владеть землей на городской хоре [Свенцицкая, 1989, с. 326] и большая открытость гражданского коллектива, в который теперь входят – причем в обычной, а не чрезвычайной ситуации – и не греки: Багадат и его сын Ариарамн в Амизоне (320 г. до н.э.), Оман (Вахуман) и его воины-персы в Смирне (244/3 г. до н.э.), Фарнак, Багадат и Дамасаферн в Антиохии (III – первая треть II в. до н.э.) [Балахванцев, 2017, с. 47; ср. Davies, 2006, p. 309]. Эта черта была абсолютно несвойственна полисам архаического и классического времени, когда города оставались всецело греческими и стремились сохранить замкнутость гражданства [Graham, 2006(1), p. 156–157]. Единственным исключением стало принятие в 491 г. до н.э. местных жителей (рабов-киллирийцев из числа сикулов) в состав гражданского коллектива Сиракуз [Фролов, 1988, с. 151].

В экономической сфере эллинизм характеризуется настоящим взрывом товарно-денежных отношений. Разумеется, и в эпоху архаики вновь основанные колонии уже в VI в. до н.э. начинают чеканить свою монету, что впоследствии привело к началу чеканки и у ряда варварских племен (синдов, италиков) [Graham, 2006(1), p. 130; Salmon, 2006, p. 687]. Однако эти монеты были слишком высокого достоинства, чтобы использоваться для повседневных покупок на рынке, а варварская чеканка вообще носила исключительно прокламативный характер.

В III–II вв. до н.э. ситуация в областях к востоку от Средиземного моря кардинальным образом изменилась. Во-первых, используя оставшиеся от Ахеменидов огромные запасы драгметаллов, эллинистические правители начали интенсивный выпуск золотой и серебряной монеты. Во-вторых, значительно возрастает экономическая роль бронзовых монет мелких номиналов, что свидетельствует о втягивании широких масс, в том числе и местного населения, в отношения купли-продажи. Бронза чеканится даже в такой отдаленной от Сирии области, как Бактрия [Балахванцев, 2017, с. 137]. Регионы, прежде вообще не знавшие денежного обращения, были теперь обеспечены своей собственной монетой.

¹² Только за время правления Александра и Селевка I было основано более 120 новых городов [Голубцова, 1992, с. 77], многие из которых с самого начала были полисами, а другие стали ими позднее.

Для эллинистической экономики было также свойственно сочетание классического рабства с эксплуатацией труда зависимых арендаторов [Davies, 2006, p. 300], организация государством, сосредоточившим в своих руках огромные денежные и материальные средства, производственных и торговых монополий [Павловская, 1992, с. 138].

Следствием сближения греко-македонян и народов Востока, происходившего как в полисах, так и за пределами их стен, стало не просто распространение греческой культуры и ее частичное усвоение местными жителями, а возникновение такого явления, как культурный синтез, предполагавший одновременную и взаимообусловленную эллинизацию местного населения и ориентализацию греков [Дандамаева, 1990, с. 25]. Одним из наиболее убедительных проявлений данного процесса в сфере материальной культуры стал храм Окса в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан). В архитектуре памятника, возникшего в начале III в. до н.э., переплетаются иранские, месопотамские и греческие традиции [Литвинский, 2010, с. 21, 38, 455–456, 460]. Аналогичные явления отмечаются в Селевкии на Тигре [Messina, 2011, p. 164], да и во многих других местах державы Селевкидов [Martinez-Sève, 2014, p. 243–262, 268–272].

Знаковыми фигурами новой эллинистической культуры стали вавилонянин Берос и египтянин Манефон, изложившие историю своих стран на греческом языке, а также основатель стоицизма финикиец Зенон с Кипра [Тарн, 1949, с. 259, 299]. Отмеченные факты не позволяют согласиться с мнением [Толстов, 1940, с. 208; Rostovtzeff, 1941, p. 1053; Лордкипанидзе, 1985, с. 26–27; Кошеленко, 1990, с. 13], что в эллинистический период взаимодействия культур еще не происходило, а настоящий культурный синтез начался только после крушения политического господства греко-македонян.

Переходя к религиозной сфере, следует признать, что главной специфической особенностью эллинизма в этой области был только династийный культ [Walbank, 2006, p. 96–99]. Что же касается религиозного синкретизма, то здесь эллинизм в качественном плане не отличается от мира архаики, в котором эти процессы шли разве что лишь менее интенсивно. Так, уже в VI в. до н.э. эллины почитали египетский оракул Аммона [Braun, 2006, p. 48], наряду с фракийцами обращались в святилище Великих богов Кабиров на Самофракии [Graham, 2006(1), p. 118], заимствовали у лидийцев культа Кибелы и Вакха [Cook, 2006, p. 199]. В V в. до н.э. возникают настоящие синкретические культы Адрана-Гефеста и Гиблы-Афродиты на Сицилии и Менцана-Зевса в Южной Италии [Salmon, 2006, p. 689; Asheri, 2006, p. 747]. Логическим продолжением последних стали появившиеся при эллинизме культы Зевса-Оромазда, Аполлона-Гелиоса-Митры-Гермеса, Артагна-Геракла-Ареса в Коммагене [Verslyus, 2017, p. 103] и созданный Птолемеем I культ нового божества Сараписа [Turner, 2006, p. 127, 170].

СФЕРА РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Рассмотрим теперь географию эллинизма. Критикуя тезис А.Б. Рановича об эллинизме как о всемирной истории того времени, К.К. Зельин явно исходил из убеждения, что эллинизм совпадает с греческим миром, хотя и без Западного Средиземноморья [Зельин, 1953, с. 146], и странами, подвергшимися эллинизации [Зельин, 1955, с. 101]. Вместе с тем, отвечая на замечания А.И. Болтуновой, склонной недооценивать греческий фактор в складывании эллинизма, он утверждал, что истина лежит в признании двух – восточного и греческого – начал и их взаимодействии [Зельин, 1955, с. 103]. Между двумя этими утверждениями имеется явное противоречие, на которое обратил внимание Г.А. Кошеленко. Он не без ехидства вопрошал: являются ли Греция и Македония частями эллинистического мира [Кошеленко, 1990, с. 13]?

В самом деле, разве взаимодействие эллинских и восточных элементов можно найти в Элладе, Македонии, Эпире и на Сицилии? Разве существовали там династический

культ, полисы, основанные на царской земле и включавшие в свой состав вчерашних варваров, разве были для них характерны использование труда зависимых арендаторов и создание монополий? В отношении этих регионов вполне справедливым представляется утверждение Г.А. Кошеленко об отсутствии в их социально-экономической и политической структуре новшеств, ассоциирующихся с эллинизмом [Кошеленко, 1990, с. 13].

Однако в последнее время появляются утверждения, что греко-восточный синтез не является непременным признаком эллинизма [Суриков, 2014, с. 100; 2015, с. 23], а о принадлежности Греции и Македонии к эллинистическому миру свидетельствует то, что названные регионы были неотъемлемой частью этого мира как системы [Суриков, 2014, с. 100; 2015, с. 23; Габелко, 2018, с. 186; Ладынин, 2018, с. 187]. В данной аргументации вызывают недоумение следующие обстоятельства. Во-первых, представляется более логичным сначала выяснить суть понятия, а уже затем определять его территориальные рамки, но никак не наоборот. Во-вторых, двое авторов – И.Е. Суриков и И.А. Ладынин – противоречат сами себе: ведь у них, как уже было отмечено, эллинизм – это в первую очередь этап древнегреческой истории [Суриков, 2014, с. 101; Ладынин, 2018, с. 196]. Частью какой же «эллинистической ойкумены» были Греция и Македония, если фактически эллинизм ими и ограничивался? В-третьих, разве контакты и взаимодействия Македонии и Эллады с царствами Селевкидов и Лагидов означают автоматическую возможность подведения всех их под единый эллинистический знаменатель? Но ведь с начала II в. до н.э. «в систему взаимодействий эллинистической ойкумены» [Ладынин, 2018, с. 187] были столь же прочно интегрированы Римская республика и Парфия. Спрашивается: можно ли только на этом основании считать их эллинистическими державами? Полагаю, что положительный ответ был бы здесь явно неуместным.

Поэтому необходимо признать, что сфера эллинизма охватывала лишь те завоеванные Александром, его полководцами и эллинистическими, прежде всего греко-бактрийскими, царями регионы, где реализовывался греко-восточный синтез [Лордкипанидзе, 1985, с. 22]: Ближний и Средний Восток, Среднюю Азию, а также, возможно, Северо-Западную Индию. Соответственно, в нее нет оснований включать Южную Италию, Сицилию, Эпир, Македонию, полисы и союзы Балканской Греции и Эгеиды, в которых наблюдается явный континуитет с классической эпохой [Davies, 2006, p. 291; Лордкипанидзе, 1985, с. 18–19; Сизов, 2018, с. 184, прим. 11].

Понимание эллинизма как конкретно-исторического явления, принадлежавшего истории древнего Востока, очень хорошо соответствует самому термину. Слово *ἑλληνισμός* означает «подражание греческому» [LSJ s.v. *ἑλληνισμός*, ср. Лордкипанидзе, 1985, с. 12–13] и может без внутреннего противоречия применяться лишь по отношению к негреческим регионам и этносам, но не к самой Элладе.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

И напоследок – коротко о хронологии. Начало эпохе эллинизма положил победоносный поход Александра Македонского, результаты которого, разумеется, стали следствием не случайного стечения обстоятельств, а были подготовлены всем ходом исторического развития Эллады и державы Ахеменидов в V–IV вв. до н.э. [Зельин, 1951, с. 148; Дьяконов, 1989, с. 297]. Что же касается ее конца, то он совпадает отнюдь не с закатом Птолемея, а с прекращением существования автономных гражданских общин уже в рамках Римской и Парфянской империй [ср. Дандамаева, 1990, с. 3].

Разумеется, все поставленные вопросы невозможно решить в одной статье. Я лишь попытался предложить подход к выяснению стоящих перед наукой проблем, делая особый упор на выявление *специфики* эллинизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

LSJ – A Greek-English Lexicon. Compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Завойкина Н.В. Новые древнеиранские имена из ранней Фанагории. *Краткие сообщения института археологии*. 2019. Вып. 257. С. 146–154 [Balakhvantsev A.S., Zavoykina N.V. New Ancient Iranian Names from Early Phanagoria. *Brief Reports of the Institute of Archeology*. 2019. Issue 257. Pp. 146–154 (in Russian)].

Габелко О.Л. Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. *ПЕНТХОНТАЕТИА. Исследования по античной истории и культуре*. Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Сеницына. СПб.: изд-во РХГА, 2018. С. 180–190 [Gabelko O.L. Polemic Notes about the Historical Fate of the Greek Polis in the Era of Hellenism. *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies in Ancient History and Culture*. Ed. O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinityn. Saint Petersburg: RHGA Publishing House, 2018. Pp. 180–190 (in Russian)].

Голубцова Е.С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов. *Эллинизм: восток и запад*. Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1992. С. 59–84 [Golubtsova E.S. Polis and Monarchy in the Seleucid Era. *Hellenism: East and West*. Ed. E.S. Golubtsova. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 59–84 (in Russian)].

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. *Культура и экономика древнего Ирана*. М.: Наука, 1980 [Dandamaev M.A., Lukonin V.G. *Culture and Economy of Ancient Iran*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии. *Вестник древней истории*. 1990. № 4. С. 3–25 [Dandamaeva M.M. Some Aspects of the History of Hellenism in Babylonia. *Journal of Ancient History*. 1990. No. 4. Pp. 3–25 (in Russian)].

Дьяконов М.М. Александр и диадохи. *История древнего мира*. [Кн. 2]. *Расцвет древних обществ*. Под ред. И.С. Свенцицкой. М.: Наука, 1989. С. 288–302 [Dyakonov M.M. Alexander and the Diadochi. *Ancient World History*. [Book. 2]. *The Flourishing of Ancient Societies*. Ed. I.S. Svetsitskaya. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 288–302 (in Russian)].

Зельин К.К. Рец.: Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. *Вестник древней истории*. 1951. № 2. С. 142–150 [Zelyin K.K. Review: Ranovich A.B. Hellenism and Its Historical Role. Moscow – Leningrad, 1950. *Journal of Ancient History*. 1951. No. 2. Pp. 142–150 (in Russian)].

Зельин К.К. Основные черты эллинизма. *Вестник древней истории*. 1953. № 4. С. 145–156 [Zelyin K.K. The Main Features of Hellenism. *Journal of Ancient History*. 1953. No. 4. Pp. 145–156 (in Russian)].

Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *Советская археология*. 1955. Т. 22. С. 99–108 [Zelyin K.K. Some Major Problems in the History of Hellenism. *Soviet archeology*. 1955. Vol. 22. Pp. 99–108 (in Russian)].

Зельин К.К. *Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н.э.* М.: изд-во АН СССР, 1960 [Zelyin K.K. *Research on the History of Land Relations in Hellenistic Egypt 2nd–1st Centuries BC*. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960 (in Russian)].

Илюшечкин В.П. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука, 1986 [Ilyushechkin V.P. *Estates-Class Society in the History of China (Experience of System-Structural Analysis)*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Кац А.Л. Дискуссия о проблемах эллинизма. *Советская археология*. 1955. Т. 22. С. 116–122 [Kats A.L. Discussion about the Problems of Hellenism. *Soviet Archeology*. 1955. Vol. 22. Pp. 116–122 (in Russian)].

Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. М.: Наука, 1987 [Kovalchenko I.D. *Methods of Historical Research*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности. *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1990. С. 7–13 [Koshelenko G.A. Hellenism: Toward a Dispute

about Essence. *Hellenism: Economics, Politics, Culture*. Ed. E.S. Golubtsova. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 7–13 (in Russian)].

Ладынин И.А. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2018. Вып. 65. С. 185–206 [Ladynin I.A. The concept of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Historiography: Stages and Regularity or Historical Concreteness and Randomness? *Dialogue with time. Almanac of Intellectual History*. 2018. Issue 65. Pp. 185–206 (in Russian)].

Литвинский Б.А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты*. М.: «Восточная литература», 2010 [Litvinsky B.A. The Temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan), vol. 3. Art, Fine Art, Musical Instruments. Moscow: «Vostochnaia literatura», 2010 (in Russian)].

Лордкипанидзе О.Д. «Эллинизм», «Эллинистический мир», «Эллинистическая культура» (трудности дефиниций). *Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья*. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 8–34 [Lordkipanidze O.D. «Hellenism», «Hellenistic world», «Hellenistic culture» (difficulty of definitions). *Black Sea Region in the Era of Hellenism. Materials of the III All-Union Symposium on the Ancient History of the Black Sea Region*. Tbilisi: Metsniereba, 1985. Pp. 8–34 (in Russian)].

Павловская А.И. Эллинистический Египет: проблема взаимодействия эллинических и местных элементов в экономике страны. *Эллинизм: восток и запад*. Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1992. С. 115–139 [Pavlovskaya A.I. Hellenistic Egypt: The Problem of Interaction of Hellenic and Local Elements in the Country's Economy. *Hellenism: East and West*. Ed. E.S. Golubtsova. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 115–139 (in Russian)].

Ранович А.Б. *Эллинизм и его историческая роль*. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950 [Ranovich A.B. *Hellenism and its historical role*. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950 (in Russian)].

Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. *Вестник древней истории*. 1952. № 1. С. 68–83 [Sarkisyan G.Kh. Self-Governing City of Seleucid Babylonia. *Journal of Ancient History*. 1952. No. 1. Pp. 68–83 (in Russian)].

Свенцицкая И.С. Эллинизм в Передней Азии. *История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ*. Под ред. И.С. Свенцицкой. М.: Наука, 1989. С. 317–338 [Sventsitskaya I.S. Hellenism in Western Asia. *Ancient World History. [Book. 2]. The Flourishing of Ancient Societies*. Ed. I.S. Sventsitskaya. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 317–338 (in Russian)].

Сизов С.К. Эволюция полисных институтов в городах Пелопоннеса в III–II вв. до н.э. *Исторический вестник*. 2018. Т. 26. С. 182–209 [Sizov S.K. The Evolution of Polis Institutions in the Cities of Peloponnese in the 3rd–2nd Centuries BC. *Historical Bulletin*. 2018. Vol. 26. Pp. 182–209 (in Russian)].

Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 76–122 [Surikov I.E. Some Problems of Bosphorus Politogenesis of the 5th – 4th Centuries BC. («View from Hellas»). *The Oldest States of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Bosphorus Kingdom*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke, 2014. Pp. 76–122 (in Russian)].

Суриков И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015 [Surikov I.E. *Ancient Greece. Politics in the context of the era. On the threshold of a new world*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke, 2015 (in Russian)].

Тарн В. *Эллинистическая цивилизация*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949 [Tarn V. *Hellenistic civilization*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1949 (in Russian)].

Толстов С.П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока». *Вестник древней истории*. 1940. № 3–4. С. 194–209 [Tolstov S.P. The Rise and Fall of the Empire of the Hellenistic «Far East». *Journal of Ancient History*. 1940. No. 3–4. Pp. 194–209 (in Russian)].

Утченко С.Л. Факт и миф в истории. *Вестник древней истории*. 1998. № 4. С. 4–14 [Utchenko S.L. Fact and myth in history. *Journal of Ancient History*. 1998. No. 4. Pp. 4–14 (in Russian)].

Фролов Э.Д. *Рождение греческого полиса*. Л.: ЛГУ, 1988 [Frolov E.D. *The birth of the Greek polis*. Leningrad: LGU, 1988 (in Russian)].

Хабихт Х. *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.: Ладомир, 1999 [Habicht H. *Athens. History of the city in the Hellenistic era*. Moscow: Ladomir, 1999 (Russian translation)].

Шишова И.А. *Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции*. Л.: Наука, 1991 [Shishova I.A. *Early Legislation and the Rise of Slavery In Ancient Greece*. Leningrad: Nauka, 1991 (in Russian)].

Asheri D. Carthaginians and Greeks. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. IV. Pp. 739–780.

Braun T.F.R.G. The Greeks in Egypt. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. III (3). Pp. 32–56.

Cook J.M. The Eastern Greeks. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. III (3). Pp. 196–221.

Davies J.K. Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. VII (1). Pp. 257–320.

Droysen J.G. *Geschichte des Hellenismus*. Bd. I. Tübingen: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1953.

Graham A.J. The colonial Expansion of Greece. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006(1). Vol. III (3). Pp. 83–162.

Graham A.J. The Western Greeks. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006(2). Vol. III (3). Pp. 163–195.

Martinez-Sève L. Les sanctuaires autochtones dans le monde iranien d'époque hellénistique. *Topoi. Orient – Occident*. 2014. Vol. 19 (1). Pp. 239–277.

Messina V. Seleucia on the Tigris. The Babylonian Polis of Antiochus I. *Mesopotamia*. 2011. Vol. 46. Pp. 157–167.

Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of Hellenistic World*. Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1941.

Salmon T.G. The Iron Age: the Peoples of Italy. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. IV. Pp. 676–719.

Turner E. Ptolemaic Egypt. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. VII (1). Pp. 118–174.

Verslyus M.J. *Visual Style and Constructing Identity in the Hellenistic World: Nemrud Dağ and Commagene under Antiochos I*. Cambridge: University Press, 2017.

Walbank F.W. Monarchies and monarchic ideas. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 2006. Vol. VII (1). Pp. 62–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.